

ЛИТЕРАТУРНАЯ СТРАНИЦА

В ремонт

□ □ □

Афанасий Фомин.

Мимо деревни—деревья мимо,
Как зачарованные в танце.
Пропали сливы, грушам, тмином,
У окна чередой кружатся станции.

Весело что-то бормочат колеса:
Моя, что ли, им передалась радость...
И, кажется, слышу прибой всплески,
Запах лимона и винограда!

Маят на отдых приятный к себе
Чинары прохладные ветви...
Под белой чалмой хмурый Казбек
Готов улыбнуться приветливо.

В окна вползает лиловая ночь,
А я себя вижу на пляже.
Цепко обнявшись с тяжелой волной,
Играем, хохочем и пляшем.

Во-всю отдыхало на берегу,
Впитываю солнце в себя до пота
Снепащих колес перегуд
Твердит мне: „Работать, работать!“

Путевка моя в санаторий—и вот
Приемная комната... Некто в белом...
А я подхожу, говорю: „Завод
Приехал ремонтировать тело!“

Доклад о съезде писателей

26 сентября участники Всесоюзного съезда советских писателей из Курской области т. Бесков сделал в кузковском клубе работников госторговли доклад об итогах съезда. В прениях выступили т.т. Бушев, Иванни, Колосов и другие.

Собрание обратилось к „Курской правде“ с предложением регулярно выпускать „Литературную страничку“ и падавать литературно-художественный альманах, отражающий творчество молодых писателей Курской области.

После доклада состоялся литературно-художественный вечер.

В ближайшие дни предполагается доклад о Всесоюзном съезде писателей представителями Всесоюзного оргкомитета писателей.

„СУМАТОШНАЯ“

Е. ВЕТРОВА и С. ЮДЖЕВИЧ

I

— Мама!
Визгливо, пронзительно зазвенело в ушах. Что-то сорвалось с места, выскочило заперлось по комнате, неслабо налетело так, что из рук посыпались на пол кулечки и свертки.

— Мама! Что принесла?
Цепкие рученки теребили за обшлага пальто.

В темноту комнаты падал с улицы желтый свет фонаря, узкой полосой пробегая по полу, освещая груды игрушек и дробился на никелированной спинке кровати.

— Почему ты один?.. без света.

— Бабушка спит.

— Спит! Сколько не плати, все мало — с раздражением подумала Наташа. — Спит. А ребенок один.. в темноте.

Наташа встала, повесила пальто, плетку бросила на кровать. Подняла, на одной ноге, цепляясь за платье, вертелась Сашка.

— Мама, ты мне принесла что-нибудь вкусное?

— Ты не маму ждешь, а что-нибудь вкусное. Хорошо сын.

Наташа взглянула на электричество и ахнула. Ящик из стола был наполовину выдвинут. Письма, фотографии—все это валялось на полу.

— Что ты делал, Сашка?

Мальчик исподлобья взглянул на мать, насупился и отошел к окну.

— А, ничего... Строил театр.

Наташа схватила его за руку и потащила. Он упирался, но она больно шлепнула его несколько раз и вытолкнула в переднюю. А сама, задыхаясь от волнения, опустилась на колени и долго ползала по полу, собирая разбросанные письма и фотографии.

— Спешить домой, усталая, измученная—отдохнуть. И вот тебе. Каждый раз. Каждый раз...

Опарала локоты, Наташа вытаскивала из под кушетки большой свиток грустных девушек, воспитанниц приюта. И она там же, с маленьким белым личиком и в глухом коричневом платье. Давно это было. Пожелтела карточка.

...Квадратный, как ящик, класс. Точная зеленая ящерка, между парт шныряет сухая наставница. И за окном—у полосатой будки—тучный ослепший городской... Серая, неласковая юность.

— Но все таки было в жизни хорошее и дорогое...

Наташа подняла карточку. С открытой улыбкой простое лицо под встречанными волосами. Добрые глаза,

... ФОНАРЬ „ЛЕТУЧАЯ МЫШЬ“

горят тускло. В конюшне полумрак.

— Кузьма Андреич, — громко зовет Зыченков, и его сильный голос слышен далеко за стенами конюшни. Из самого дальнего угла доносится густавый голос конюха Кузьмы Скопидомова.

— Тут я.. Корм задаю..

Скопидомов стряхивает прилипшую к рукам посылку, идет навстречу бригадир.

— Лошади готовы?—спрашивает скороговоркой Зыченков, и на ходу осматривает лошадей, стояла конюшня.

У стены стоит осыпанный мешок, насыпанный по самую завязку овсом. И прежде чем Кузьма успевае ответить на вопрос, Зыченков с нескрываемой досадой бросает упрек Кузьме:

— А говоришь, сию минуту, а, видите, овса лошадям еще не задали?

Скопидомов семенит коротенькими ногами, обутыми в стоптанные просторные сапоги, и молча проходит к мешку с овсом. Но Зыченков уже встряхивает мешок перед собой и с колена легко вскидывает его на плечо.

— Почему такой легкий?—мысленно спрашивает самого себя Зыченков и бережно опускает мешок на плотно утрамбованный земляной пол конюшни.

Руки дрожат. Путаюсь пальцами в концах туго затянутого шнура, бригадир торопливо развязывает мешок. Кузьма стоит рядом. Молчит.

Зыченков засовывает пригоршни в развязанный мешок и потом долго рассматривает и пересыпает с руки на руку зачерпнутое зерно. Слегка дует. С ладони ороем золотистых мух поднимается ослепительная и просыпая кожура.

— Овес сам получаю?—обращается Зыченков к Скопидомову и, прищурив левый глаз, как бы для прищипа, пронизывающим взглядом смотрит Кузьме в глаза.

Кузьма не выносит пытливого взгляда бригадира, отвертывается.

— Нет, не сам.. Герасим Сычев привез,—сквозь зубы говорит Кузьма и старается больше не смотреть на бригадира.

— Ввесить овес надо?—решает в уме Зыченков. Но вслед за первой рождается другая мысль: „а если в поле бригада последней поедет, тогда как?“

Скопидомов все еще топчется у мешка и не решается начать выдачу овса лошадям.

— Медлить нечего — задавай овса,

ехать на сев, пора,—уже более мягко говорит Зыченков.

Распоряжением бригадира Кузьма доволен. Он гремит железной шайкой и наполняя ее до краев овсом, жалует:

— Всегда такой овес дают. Я тут, Григорь Ваняч, не причем. Мне что выйдут, тем и кормить стану.. Я колхозным лошадям не лыходей, а хозин.. Сам знаешь, ночи не сплю, ухаживаю за ними..

— Кузьма старательный, может быть, он и не причем—думает Зыченков.

— Ладно, ладно.. Сам дознаешь.. Ты лошадей поскорей выкармливай.

II. НА УЛИЦЕ ДОЖДЬ, СЛЯКОТЬ.

В дежурке конного двора после уборки лошадей на ночь собрались конюхи и бригадиры. Шутят, смеются.

За дубовым, грубо обделанным столом сидит молодой конюх Юрков Степашка. Его голубые глаза светятся огоньками выгаснувшей улыбки.

Степашка только что вернулся из сельсовета. Там он узнал новость.

Новость, принесенная Степашкой, у многих вызывает тревогу.

Степашку спрашивают:

— Ты, может быть, того.. шутить?

— Честно слово, не вру, — уверяет Степашка. Говорит и смеется. И этот смех нервничает конюхов.

— У человека несчастье, а он „гы-гы“.. Железку что ли напел? — недовольным тоном замечает пожилой конюх Филат и быстро шагает взад-вперед по дежурке.

— Правильно, дядя Филат, — соглашаются остальные, — тут не до смеха, когда серьезная беда к каждому в дверь стучится.

— Ты, Степашка, нам толком расскажи. Куры-то у Герасима по какой причине слыхи?

— Может быть, холера или еще какая заразная болезнь?

О случае с курами Степашка не может говорить без смеха, но едкое замечание Филата отрезывает его. Степашка уже тоном делового человека продолжает:

— Герасима Сычева вы все хорошо знаете..

— Выгонского что-ли?

— Он всегда ничем недоволен. Трудной выработал малю — виновато правление: на выгодную работу не ставит.

— А сам от всякой работы в брига-

де увильивает.

— Так вот, продолжал Степашка.

Прихожу я в сельсовет, там Герасим сидит. Встанет придется и опять сядет на лавочку. Бороденку в горсть и вздыхает тяжело.

Увидел его, председатель сельсовета, спрашивает:

— Ко мне, Герасим Семенович?

— Нет-нет,—отвечает,— управляйся с другими.. Со мной всегда успеть можно. И снова сидит и бороденку пощипывает, вздыхает.

А когда ушли из сельсовета посетители, подходит Сычев к столу председателя и заискивающе говорит:

— Митрофан Игнатьич..

— Слушаю, Герасим Семенович — отвечает председатель.

— Вопросик у меня к тебе,

— О чем?

— А скажем, к примеру, у меня корова пала, по молоку скидка полагается?

— Полагается.

Тут Герасим загнулся и умоляюще посмотрел.

— Продолжай, продолжай, — скавал председатель.

Сычев бороденку в горсть, топчется у стола, говорит:

— А ежели, скажем, куры.. льгота полагается?

— Да ты говори, в чем дело?

— Куры у меня, Митрофан Игнатьич, куры прошлой ночью.. слыхи все до одной.. Двенадцать штук было, тринадцатый петух.. До чего хороший, голосистый петух был..

— С чего бы это они? — удивился председатель.

— Овес колхозный, можно сказать, подвел.. Уж кабы много, а то как есть одни пригоршни.. Вот не сойти с места, Митрофан Игнатьич, одни пригоршни бросил.

— Откуда же у него овес? — удивился конюх.

— „Шло из мешка острое кажет“, — подумал Зыченков, подвинулся ближе к столу. Он уже представлял себе воровитого Герасима, торопливо отсыпавшего из мешка фуражный овес.

— Из семенного, поди, ханул. Он возник,—попытался догадаться один из конюхов.

Степашка утвердительно качнул головой.

— Семенной и есть.. Вез Герасим семена в поле мимо своего дома. Ви-

дит куры под окном в навозе роются зачерпнул он им пригоршни овса и бросил. Овес-то, сами знаете, парижской зеленью протравлен..

— Вот она, загвоздка-то в чем!

Голос Степашки утонул в громком долге не смолкающем смехе конюхов. Вместе с другими смеялся Зыченков. Но вот его взгляд упал на сидевшего против него конюха Скопидомова.

Зыченков неожиданно для себя вспомнил, как месяц назад, придя на конюшню, он застал Скопидомова у кучи рассыпанного овса. Поблудившие губы его тогда дрожали, он долго не мог подыскать слов для оправдания. Дрожащими руками Скопидомов подбирал овес в шапку.

Зыченков еще раз посмотрел на Кузьму, он отвернулся и, встав из-за стола, молча направился к двери.

На дворе, как сквозь сито, моросит окладной дождь. Под ногами хлюпают размокшая земля. По пути домой Зыченков думает о севе, о худых лошадях, которые могут подвести в соревновании со второй бригадой.

— Наверняка ополдится,—решает Зыченков и снова думает о севе, о лошадях, о странном поведении Кузьмы и сычевских курах, погибших от протравленного овса.

— Куры! В сознании бригадира зарождается оригинальная мысль. „Попробуем“..

III

— ДЕРЖИ ЕЕ, ПЕТЯ, держи, сынок.. Не пущай под ворота.

Петрунька, растопырив ручки, проворно бежит за припрыгивающей „пеструшкой“, хватая ее за хвост, но курица ловко увертывается между ног и Петрунька, промахнувшись, с разгону падает.

Ольга, Петенькина мать, женщина высокого роста, сухая как жердь, разводит руками, кричит:

— Подымайсь.. Ах, постреленок, упустил-таки.. Оботри, оботри руки то.. Соломой, соломой..

Раскрасневшийся Петрунька отдувается, шмыгает носом и вытирает руки, картавая, оправдывается:

— Я ее, маме, за хвост было пымал, а пелья вывалилась..

Петрунька показывает матери оставшиеся у него в руке черные перья из хвоста курицы.

Ольга уже не злится. Ее продолговатое худое лицо расплывается в улыбке..

— Ладно, Петух.. Становись-ла вот туда к воротам и не пущай.

Петрунька покорно выполняет распоряжение матери.

Увертливая „пеструшка“ отступает к закрытой двери. Четыре руки—сучковатые, длинные—Ольгины и маленькие пухленькие—Петенькины, уже готовы схватить курицу, но в этот момент кто-то выдергивает деревянный засов, дверь открывается и Петрунька скрывается в сени.

— И кого там нелегкая носит,—огорченно ворчат Ольга, поправляет сбившийся на голову платок, одергивает клетчатую кофту.

Из сеней доносится приглушенный крик пойманной кем-то „пеструшки“.

— Попалась, бестия,—торжествующе гудит грубый мужской голос.

— Кузьма? Нет, не Кузьма.—Ольга смотрит в открытую дверь сеней. К ее великому удивлению на пороге появляется бригадир Зыченков. Он держит в крепких руках пойманную „пеструшку“, загадочно улыбается.

— Кажется, с яичком курочка..

Зыченков передает курцу Ольге.

— Несуток курочки?..

— Какой там,—смутившись отвечает Ольга, шупает пеструшку, пускает во двор.

Петрунька успел сплунуть кур, укрывшись в сараичке на перемете, гонит их, кричит:

— Мамка, делжи, делжи..

Ольга вопросительно смотрит на бригадира. По каким делам пришел? Зыченков как бы не замечает этого. Он ласково говорит Петруньке:

— Лови, лови, сынок, мать яичками покормит. И вместе с Петрунькой начинает ловить кур.

Ольга удивлена поступком бригадира.

— Григорь Ваняч.. Вот путник какой..

Зыченков успел схватить первую подвернувшуюся под руку курицу и пальцами слегка опущивает зоб. Он плотно набит разбухшими зернами овса.

Зыченков передает курицу Ольге. На его лице все еще дрожат не успевшая погаснуть улыбка, но горло уже сжимает горькая смаза негодования.

Зыченков опущивает зоб у пяти кур: он полон овса. Выходит из конюшни, опираясь, когда верил Кузьме на слово. А худые кони?

Теперь для Зыченкова было все понятно: Скопидомов обманывает его и ворует овес. Всегда тихонький, обходительный, он незаметно обдывает свое дело.

Последнего опущенного куренка Зыченков не поддал, а бросил Ольге и сдвинув брови угрюмый зашагал со двора.

Вечером у Кузьмы Скопидомова старший член сельсовета и бригадир обнаружили под полом два мешка фуражного овса. Кузьма сознался в краже.

(Окончание следует.)